

СЕМАНТИКА ИМЕНИ И ЗНАК В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гугова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гугова, 2021

Аннотация. В статье рассматривается эволюция характера возникновения собственных имен эпических героев. Устанавливается, что в мифологических сказаниях для имен многих персонажей характерно отражение в них семантического значения в соответствии с отраслевыми полномочиями языческого существа, т.е. бога-покровителя определенного объекта или рода занятий. Это свойство бывает настолько выраженным, что значение самого слова легко определяется и не требует специальных лингвистических разысканий. В сказаниях архаического нартского эпоса имя не имеет такой прямой связи с функцией, но оно не полностью утрачивает своей соотнесенности с автологическим значением слова, что стимулирует научные и народные этимологические разыскания. Семантическая парадигма имен значительно расширяется, оставаясь при этом в пределах собственного этнокультурного поля. Иноязычные обозначения в нартской антропонимике – редкость и чаще всего случайность. В то же время, они могут отражать и древнейшие межэтнические контакты носителей эпической традиции. При этом этноязыковая идентификация имени остается актуальной. В данном отношении антропонимы в историко-героических песнях и сказаниях фактически свободны от функциональной привязки, чаще всего, они произвольны и в подавляющем большинстве случаев могут быть признаны как знаки, нейтральные по содержанию. Напротив, характер, поступки, позиция самого носителя может определять отношение к имени в контексте песни или сказания.

Ключевые слова: эпос, этимология, номинация, зволюция, предметный мир, функциональность

Для цитирования: Гутов А.М., Гугова Л.А. Знак и семантика имени в песенном тексте // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 87–96. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-87-96

Original article

SEMANTICS NAME AND SIGN IN THE SONG TEXT

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2021

Abstract. The article discusses the evolution of the nature of the origin of the epic heroes. It is established that in mythological legends for the names of many characters, it is characterized by reflection in them semantic significance in accordance with industry powers of a pagan being, i.e. God-patron siest of a certain object or kind of classes.

This property is so pronounced that the meaning of the word itself is easily determined and does not require special linguistic spokes. In the legends of the archaic nart epic, the name does not have such a direct connection with the function, but it does not fully lose its correlation with the autologous meaning of the word, which stimulates scientific and folk etymological locations. The semantic paradigm of names is significantly expanding, while remaining within the limits of its own ethnocultural field. Inowaging designations in nart anthroponimik – rarity and most often accident. At the same time, they can reflect the oldest inter-ethnic contacts of carriers of the epic tradition. In this case, the ethno-speaking identification of the name remains relevant. In this respect, anthroponyms in historical and heroic songs and legends are actually free from functional binding, most often, they are arbitrary and in the overwhelming majority of cases can be recognized as signs neutral in content. On the contrary, the character, actions, the position of the carrier itself can determine the attitude towards the name in the context of a song or legend.

Keywords: epos, etymology, nomination, strolling, objective world, functionality

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. The sign and semantics of the name in the song text. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 87–96. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-87-96

Хорошо известно, что один из важнейших компонентов эпического текста – это упоминаемые в нем живые и неживые предметы. Нами однажды предпринималась попытка системно исследовать художественный предметный мир адыгского эпоса [Гутов 1991]. Однако задача оказалась настолько многогранной, что наша небольшая работа стала не более чем первым робким шагом в деле изучения большой и важной проблемы, для решения которой потребуется не одна статья, а целый комплекс научных изысканий. По причине обилия и многообразия материала, а также ввиду слабой изученности темы, мы в первой своей работе были вынуждены ограничиться установлением самых общих закономерностей и наблюдениями локального характера. Между тем без детального изучения номенклатуры имен и самого характера их конкретного отражения невозможно воссоздать целостную картину такой сложной системы представлений, которую образует эстетически организованный эпический текст. Данное обстоятельство послужило причиной нового обращения к теме. В настоящей работе мы ставим перед собой всего лишь одну из задач, связанных с названной масштабной проблемой, ограничиваясь также и в характере привлекаемого фактического материала теми примерами, которые наиболее рельефно определяют суть рассматриваемого явления. Надеемся, однако, что наши разыскания помогут хоть на какую-то долю приблизиться к более основательной разработке этой научной проблемы.

В плане теоретико-методологическом мы исходим из того, что в контексте художественного произведения даже простое название каких бы то ни было предметов, тем более – имен собственных, обусловлено общей задачей, решения которой автор / носитель текста или исполнитель достигает в результате создания или исполнения песни вместе со сказанием. Для полного освещения проблемы потребуется в исследовании установить, например, непосредственный контекст, в котором те или иные имена бывают употребительны, определить особенности представленного в текстах предметного мира, степень устойчивости упоминания тех или иных имен в вариантах одного и того же произведения, выявить частотность повторения имен в конкретном тексте, а также их представленность в разных явлениях единого жанра или различных жанров и т.д. Мы не ставим своей целью решение всех аспектов данной многогранной проблемы во всей полноте, поскольку в рамках статьи это будет фактически не выполнимо. Однако мы надеемся, что сама ее постановка с определением вектора наиболее перспективных разработок в данном плане будет небесполезна для процесса познания материала. Это обстоятельство побуждает нас использовать традиционный историко-сравнительный метод как опорный, а наряду с ним по мере надобности производить некоторые статистические операции, что мы и постарались совместить в своей небольшой работе.

Мы считаем важным исходить из того положения, что художественный словесный текст содержит не менее чем минимальный объем информации, которая важна и достаточна для достижения автором / исполнителем своей задачи. Случайных упоминаний каких бы то ни было предметов, имен персонажей или топонимов в художественном тексте не должно быть по самой природе жанра. Если же имя устойчиво присутствует, значит, оно несет определенные информативные, практические или эстетические функции. Данное обстоятельство только и определяет непосредственный интерес к предмету со стороны носителей фольклора и потенциальных реципиентов. Иными словами, предмет, упомянутый в художественном тексте, привлекает внимание именно в связи с решением конкретной задачи, чаще всего комплексной – от утилитарно-информативной и перформативно-побудительной до сугубо художественной. Обычно же то, другое и третье весьма тесно переплетаются. При этом следует иметь в виду не только упоминаемый в тексте реестр предметов и явлений с учетом частотности их употребления. Поскольку речь идет о художественном произведении, важно бывает учитывать также характер их появления в тексте – простое ли это название имени, название ли с выраженным поэтическим маркированием (что выражается в употреблении и аффиксов с эмоционально окрашенным значением, и поэтических тропов или же целых устойчивых словосочетаний, имеющих явные признаки художественной организации, т.е. формул-характеристик), степень устойчивости словесных блоков, в которых представлено то или иное слово, относящееся к категории имен (функционирование устойчивых формул).

Для анализа мы обратились к аутентичным записям народных песен в пределах одной и той же родо-видовой системы, каковой является жанр народного эпоса в широком понимании этого термина. В них мы будем рассматривать не весь предметный мир, а постараемся ограничить круг привлекаемого материала именами собственными центральных персонажей. Поскольку эпические герои находятся фактически всегда в фокусе внимания, полагаем, что более пристальное изучение характера их упоминания в художественном контексте будет способствовать установлению некоторых важных закономерностей природы поэтического творчества.

Для избранного нами ракурса исследования целесообразно будет выделить, с долей условности, три эволюционные разновидности эпоса, что на материалах адыгского фольклора ранее не практиковалось. Первую образуют мифологические нарративы и песни мифо-ритуального характера, которые нередко сохраняли свою приуроченность еще во времена наиболее интенсивного собирания сведений, касающихся традиционного пласта народной культуры, в частности, фольклора. Вторая – это архаический нартский эпос, который имеет очевидные генетические связи с мифологией и аккумулирует в себе многие сюжеты и персонажей, происхождение которых возводится преимущественно к системе мифологических воззрений этноса, стадияльно отличающихся своей секулярностью и, следовательно, не приуроченных к мифологической обрядности. Третья ступень эволюции эпического творчества – историко-героические песни и сказания, т.е. младший эпос. Он более дистанцирован от мифа, нежели эпос архаический и согласно логике эволюции эпического творчества замыкает типологический ряд, формируемый тремя названными образованиями, чем и привлекает особое внимание. Тем не менее, в отдельных циклах этого жанрового типа могут иногда быть отмечены как архетипические структуры, образующие ядро некоторых циклов, так и отдельные мифологические персонажи, а также собственные имена, однозначно указывающие на связь со старшим эпосом и даже системой мифологических представлений, объективируемых в нарративах. Однако если подобного рода явления имеют в контексте мифологического сказания или в некоторых текстах старшего эпоса прямую связь с системой верований и представляют собой способ

актуализации этих верований (в нартских сказаниях фактор сакральности функционально может иногда присутствовать на одинаковых правах с секулярным), то в младшем эпосе мифологические мотивы, если они вообще присутствуют, то не более, чем в полностью адаптированном виде или же в качестве своего рода фона в сложной тканевой системе эпического повествования.

Считаем важным оговорить, что между названными разновидностями эпоса далеко не всегда возможно обозначить строгие демаркационные линии, так как многие мифологические персонажи (бог кузнечного ремесла Тлепш, бог растительности Тхагаледж, бог-покровитель мелкого рогатого скота Амыш и др.) фигурируют в нартских сказаниях и в качестве центральных героев некоторых сказаний, и как эпизодические персонажи. Имена же некоторых ключевых героев Нартиады и даже мифологии могут встретиться в текстах младшего эпоса (упоминания имен бога-кузнеца Тлепша, нартов Сосруко, Арахшу и др.). Все же жанровые различия в общем плане очевидны, и они весьма рельефно определяются доминирующим принципом опосредованного отношения к действительности в архаических сюжетах и линейным – в сюжетах позднего происхождения. Мифологические нарративы представляют собой способ отражения системы верований социума, и поэтому в них сакральная функция изначально выдвигается во главу угла, нередко со своей приуроченностью к обряду и ритуалу. Нартские сказания в своем древнейшем пласте суть не что иное, как следствие секуляризации мифологических нарративов, также сюда входят и возникшие на этой же базе сюжеты с выраженной внесакральной, эстетической заданностью. Наконец, сказания и песни историко-героического эпоса черпают ключевые мотивы в большинстве своем из реальной действительности, поэтому апелляции к мифу или системе представлений старшего эпоса в них составляют сравнительно небольшой, но, как правило, эстетически аккумулятивный поэтический материал, подчиненный задаче отражения подлинной действительности. Причем это отражение происходит художественными средствами, наиболее характерными для определенной эволюционной стадии всего общества. При рассмотрении адыгской эпической ономастики изложенные признаки обнаруживаются как закономерность, хотя говорить о неизменном постоянстве прямой связи принципа наречения героя и жанровой принадлежности песни или сказания было бы не всегда корректно, поскольку в результате длительного устного бытования вполне вероятны всякого рода смещения.

Если обратиться к именам собственным героев мифологического пласта фольклора, бросается в глаза следующая особенность: во многих случаях имя легко и прозрачно увязывается с функцией его носителя. Таковы, например, имена Тхъэшхуэ – Тхашхо (*тхъэ* – основа слова *бог*, *-ихуэ* – *большой*: *букв.* – *Большой / Великий бог*, имя верховного божества в адыгской мифологии), Псатхъэ – Псатха (*псэ* – *дух, душа*, *тхъэ* – *бог*: *букв.* – *Бог души*, имя бога-покровителя души), Мэзытхъэ – Мазитха (*мэз* – *лес*, *тхъэ* – *бог*: *букв.* – *Лесной бог или Бог леса*, имя покровителя леса и диких животных), Псыхъуэ гуащэ Псыхо-гуаша (*псыхъуэ* – *пойма реки*, *гуащэ* – *княгиня, повелительница*: *букв.* – *Речная богиня*, имя покровительницы рек / реки), Жьэгупатхъэ – Жагупатха (*жьэгу* – *очаг*, *-на/-пэ* – *перед*, *-тхъэ* – *бог*, имя бог покровитель домашнего очага). Это, как можно обозначить, «говорящие» имена, не требующие усилий по определению их амплуа.

А.Т. Шортанов в фундаментальном труде о мифологии и культах адыгов, написанном в 60–70 гг. XX в., находит таковых 12 из общего числа приводимых им 24 имен во всем перечне персонажей адыгского языческого пантеона [Шортанов 2016]. В созданной значительно позднее обобщающей работе, «Энциклопедии адыгской мифологии» М.И. Мижаева и М.М. Паштовой-Мижаевой, где ономастика представлена с наибольшей полнотой, 16 имен из 36 можно отнести к выделяемому нами разряду «говорящих», т.е. представляющих определенную «отраслевую» презентацию героя [Мижаев, Паштова 2012].

Как видим, статистика предоставляет достаточно однозначные результаты. В то же время нельзя исключать того, что, что такие прозрачные в своей семантике имена, как *Лесной бог*, *Речная богиня*, *Бог души или Великий бог* и т.п., могут оказаться вторичными, появившимися по причине затруднительности привязки исходных имен данных персонажей к сфере их «отраслевой компетенций». Такое может произойти в результате как длительного устного бытования, так и вследствие эволюционной изменчивости живого языка: со временем слово может попасть в разряд архаизмов, выйти из активного обихода, а впоследствии стать трудным для понимания в восприятии людей другого времени. В результате слово или получает вторичное толкование, порою даже не имеющее ничего общего по семантике с исходным вариантом и чаще всего базирующееся на народной этимологии, или же попросту «замещается» понятным словом из активного словарного фонда. Иногда в результате подобных перипетий может измениться и функция слова. Так, например, имя *Жыг-гуацэ* (*жыг* – *дерево*, *гуацэ* – *богиня*) само будто бы указывает на амплу богини как покровительницы деревьев. Но по сюжету сказания, где она сама фигурирует в облики дерева с человеческими чертами, за ней закрепляется сфера отнюдь не властительницы леса или деревьев, а носительницы сакральных вселенских и практических знаний: ее корни пронизывают семь земных пластов и знают все таинства подземного мира, а достающим небесного свода ветвям доступны все премудрости заоблачного, небесного мира [Льэпщрэ... 1963]. Вернее, Богиня-дерево оказывается обладательницей высшей мудрости.

В отличие от слов архаичных и трудных для восприятия, которые были исходными именами, новые наименования чаще всего прямо указывают на функцию или родовое свойство носителей, что непременно требуется по контексту. В данном случае оказывается не особенно важным, верны ли этимологические разыскания ученых или самих информантов, а также адекватны ли в семантическом плане новые названия утраченным. Большой интерес представляет сам факт выраженной тенденции к поискам соответствия знака и обозначаемого. Особенно примечательно то обстоятельство, что в живой традиции устойчиво сохраняется установка на прямую связь имени и функции персонажа, что со всей очевидностью обнаруживается чуть ли не в половине имен, представленных в текстах, что весьма показательно.

В отличие от мифологического пласта, в нартском эпосе наречение героя по его функции явление или гораздо более редкое или же настолько неявное с точки зрения современного живого языка, что в большинстве случаев приходится прибегать к специальным научно-этимологическим операциям, чтобы найти рациональное объяснение семантике того или иного слова. Между тем эпический текст в данном случае сам же настоятельно располагает к подобным операциям. Поэтому целый ряд ученых-эпосоведов, историков, этнологов и лингвистов со всей серьезностью занимался экскурсами в области нартской ономастики. Число имен эпических героев, которые привлекли внимание ученых, насчитывает не один десяток, и немногим меньше число самих авторов более или же менее успешных этимологических штудий. Как и при рассмотрении имен мифологических персонажей, здесь тоже для нас не настолько важно, являются ли успешными результаты труда исследователей, среди которых есть и весьма авторитетные, в профессиональном плане высококвалифицированные специалисты (такие, как, например, В.И. Абаев, М.А. и З.Ю. Кумаховы, Т.А. Гуриев, А.М. Гадагатль и мн. др.), и множество любителей, уверенных в истинности результатов своих изысканий. Гораздо более примечательно то, что сами эпические тексты, вслед за материалами мифологического пласта, часто предрасполагают к поискам прямых связей имен собственных с непосредственными амплу их обладателей. Разумеется, в героическом эпосе прямая связь имени с функцией проявляется значительно слабее, нежели в мифологических сказаниях, однако, несмотря на это, все же имя далеко не всегда

оказывается присвоенным произвольно, по типу пароля (если использовать термин, предложенный Ф. де Соссюром). Мы не готовы дать названному факту удовлетворительное объяснение, поскольку это предмет специального исследования. Но полагаем, что одной из причин его проявления может являться высокая степень этнической идентичности центральных героев эпоса. Поэтому не без основания ученые стремятся установить этимологию имен как центральных, так и периферийных героев нартских сказаний – Сатаней-гуаши /Сатаны, Сосуко /Сослана, Озырмеса / Урызмага, Батраза, Ашамеза / Ацамаза, Тотреша / Тотрадза и пр. Мало того, этимологические экскурсы особо привлекательны для тех исследователей, которые стремятся в результате своих поисков не столько приблизиться к истине, сколько отстоять приоритетность той или иной этноязыковой версии столь монументального разноязычного эпического памятника.

Заметим, однако, что здесь этимология имен персонажей не так тесно связана только с их функциями. Имя может быть указанием не только на амплу героя, но также на его родословную, на черты его характера, на какие-либо внешние особенности, в том числе и этическую среду зарождения и бытования эпоса, если верить толкованиям некоторых авторов. Например, В.И. Абаев не сомневается в том, что имя Сатаней / Сатаны невозможно отделить от имени аланской принцессы Сатиник, ставшей женой царя Арташеса; ее мудрость и красоту, по рассказу Моисея Хоренского (2 век н.э.), воспевали армянские рапсоды [Абаев 1990: 164–166; 247]. Он же считает, что имя нартского богатыря Батраза имеет монгольское происхождение, но в то же время свидетельствует об осетинском происхождении чуть ли не всего эпоса [Абаев 1990: 211; 217; 248–249]. Адыгейский ученый А.М. Гадагатль, ориентирующийся в своих этимологических разысканиях на ресурсы адыгского языка, находит в имени той же героини указание на функцию дарительницы оружия, а точнее, мудрой наставницы, покровительствующей нартским наездникам и благословляющей их [Гадагатль 1997: 308–311]. В имени же нарта Батраза он находит описательную характеристику внешности богатыря [Гадагатль 1997: 314–315]. Другие авторы предлагают свои толкования, отличные от того и другого).

Весьма частое явление – когда в сказаниях архаического нартского эпоса является характеристическое обозначение имени героя не по функции, а по его родословной: *Хьымыщыкьуэ Батэрэз – Хьымышев сын Батраз, Ашэмькьуэ Ашэмэз – Аши сын Ашамез, Албэчыкьуэ Тотрэш – Альбечев сын Тотреш* и т.п. Иногда обазуется целая сложная формула, включающая и имя героя: *Къанж и кьуэ Щэуей, Нэрыбгей и кьуэ закьуэ – Канжев сын Шауей, Нарыбгеи единственный сын*. Это явление новое по сравнению с принципами выделения героев древнейшего пласта сказаний и, как можно полагать, оно связано с возрастанием удельного веса патрилокальных принципов отношений внутри общества. При известном приложении интеллектуальных усилий имена некоторых персонажей нартских сказаний поддаются этимологическим операциям, задача которых – определить отражение в имени каких-либо важных особенностей образа (не обязательно функциональных). В оригинале такие сочетания часто отливаются в устойчивые формулы, внутренне ритмически и фонетически организованные по законам благозвучия. Характерное для мифологических нарративов выделение функции или отступает на второй план как принцип номинации, или уходит совсем. Исполнитель фактически не ориентируется на закодированное и далеко не всегда легко раскрываемое значение имени героев, а нередко никакого таинственного кода и не обнаруживается. Поэтому сами имена все чаще обретают функцию произвольно данного знака, хотя не исключено, чтобы они могли быть подвергнуты исследователями этимологической операции с той или иной долей убедительности получаемого результата. Более того, что весьма важно, сам материал предрасполагает к проведению такой операции.

Сказанное не исключает вероятности появления в нартских сказаниях открыто «говорящих» имен наподобие *Иэдишу* – Адиюх (букв. – светлорукая), *Усэрэжь* / *Уэрсэрыжь* – Усарез / *Орсарыж* (букв. – ведунья, ведун). Здесь же следует отметить и имя *Алыдж* – *Алидж*, весьма употребительное не только в нартских сказаниях, но и в историко-героическом эпосе (в форме *Алыджыкьуэ* – *Алиджуко* – букв. *Сын алиджа*). Этим словом адыги именовали греков-колонистов, населявших побережье Черного моря с древнейших времен. Однако если вести речь о частотности появления имен с вышеназванной конструкцией, сказания о нартах нельзя даже сравнивать с мифологическими нарративами.

Можно предположить, что данное обстоятельство явилось одним из обстоятельств, которыми обусловлена тенденция к благозвучию имен в художественном контексте нартских сказаний, как, например, приведенные выше имена в составе устойчивых формул: *Хьымыщ и кьуэ Батэрэз*, *Ашэм и кьуэ Ашэмэз и т. п.* (обе приведенные формулы характеризуются четкой ритмической организацией и тонким сочетанием созвучий). Таковы же имена в формулах *Сосрыкьуаццгэу лы фьыццгэу гьуццгынэ* – *Сосруко смуглый, муж черный железноокий, нарт Пцыбадинокуэу нарт лы икьугьэ* – *нартский предводитель Бадиноко, нартский муж достойный, Къанж и кьуэ Щэуей, Нэрыбгей и кьуэ закьуэ* – *Канжев сын Шауей, Нарыбгеи единственный сын и пр.* Все они характеризуются с очевидностью выраженной стройной звуковой организацией. Четкий ритм организует в форме моностиха имена Батраза, Ашамеза, Тотреша и некоторых других героев. В именах нартов Сосруко, Бадиноко, Шауея к ритмизации прибавляются аллитерация, анафора, ассонанс, анадиплосис (т.н. подхват). Разумеется, это в немалой степени способствует расширению роли эстетического фактора как в конкретном тексте, так и в эпосе в целом. Один из приемов создания благозвучия – аллитерации или повторы сочетаний звуков в имени героя и именах его родителей, чаще – созвучиями в именах героя и его отца.

Несколько иная картина открывается в историко-героическом эпосе. Если в нартских сказаниях имя героя может зачастую быть ориентиром, указывающим на среду возникновения произведения (одна из причин, побуждающих разных исследователей этимологизировать имена с позиций тех или иных языков), то имя в младшем эпосе чаще всего никак не связано с этноязыковой идентификацией среды возникновения и бытования. Так, например, имя одного из самых популярных героев адыгского фольклора, Андемиркана, могло бы указывать на тюркские истоки цикла, если бы мы собрались судить только по фонетико-морфологической характеристике: *ан-/ ай-* – луна, *-демир-* / *-темир-* – железо-, *-кан* – кровь. Все семантически значимые компоненты имени героя адыгского эпоса этимологизируются на основе тюркского языка. Первые две части означают *лунное железо* или *лунный металл*. Резонно было бы заключить, что имя героя указывает на связь с космосом или космическим предметом. Но дело в том, что *Андемир* / *Айдемир* – это имя человека, который воспитал героя, а само полное имя так и расшифровывается: *воспитанник Андемира*. Однако сам Андемир представлен как один из потомственных урков-дворян и имя его никак не связывает его происхождение с космосом. Оно есть не что иное, как тот же соссюрковский пароль. И фактически никакой связи с тюркской фольклорной традицией цикл об Андемиркане / Айдемиркане не имеет, свидетельством чему является тот факт, что ни у одного из тюркских народов нет даже отголосков существования песен и сказаний о данном герое. Значит, имя было дано не по каким-либо особенностям, а по принципу *произвольно выбранный знак + означаемое*.

То же самое можно сказать о целом ряде имен персонажей, которые фигурируют в других эпических циклах. Вернее, имена могут оказаться по своему происхождению иноязычными (тюркскими, арабскими, греческими, грузинскими, славянскими) или же исконно адыгскими, что решающей роли в тексте не играет,

их автологическое значение может легко расшифровываться или вовсе не поддаваться этимологическому анализу. Это не оказывает, по сути, никакого влияния ни на формирование образа, ни на развитие действия. Иными словами, имя не находится в прямой связи с природой и характером его носителя. В текстах младшего эпоса оно приближено к произвольно принятому знаку. Такие имена, как Бора (от общетюркского названия волка), Анзор (от грузинского *азнаури* – воин), Темрюко (ассимилированная тюркская основа плюс корень адыгского слова), Шолох (адыгское), Гудаберд (предположительно адыгское или давно ассимилированное), Мухамет (арабское), Кучук (тюркское), Хасанш (арабское) и мн. др. фактически являются нейтральными относительно характеристики их носителей, чем они отличаются от имен большинства нартских или мифологических персонажей. Но когда к имени собственному прибавляется оценочный компонент в виде определения, метафоры, сложной устойчивой формулы или всего лишь аффикса, присоединяемого к производящей основе, это становится важным шагом к сближению знака и означаемого. Так, например, присоединением суффикса *-жь* (основа слова со значениями *старый*, *бывалый*, *большой*, в данном случае – *могучий*) имена Бора (Борэжь – Бора *Могучий*) и Анзор (Анзорэжь – Анзор *Могучий*) обретают черты индивидуальностей. Такой же эффект достигается прибавлением к имени собственному постоянного эпитета: *Темрыкъуэ лыхъу* – Темрюко *Мужественный*, *Щэджащэу ди Щолэхуэуц* – *Великий наш князь Шолох*, *Мартинэ лыхъу* – *Мартин Мужественный*. (Примеры взяты из издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [НПИНА III-1 1986; НПИНА III-2 1990], но они типичны для подавляющего числа записанных и опубликованных материалов). Следует отметить, что ни одно из подобного рода имен не может служить подспорьем для этноязыковой идентификации героя.

Самым распространенным способом идентификации остается все же название отца или же фамильной принадлежности героя. Это не только наиболее часто употребительный прием выделения главного персонажа, но он типичный знак, указывающий на определенную эволюционную стадию среды возникновения и бытования. Он унаследован, как можно с большой долей вероятности полагать, от поздних циклов нартского эпоса, поскольку, как очевидно по косвенным признакам, еще в период наибольшей продуктивности данного жанра в обществе носителей эпической традиции постепенно стали распадаться принципы матриархальных отношений и нарастать родовые признаки патриархата. Заметим, что в мифологическом ономастике почти нет указаний на родословие, в особенности – по мужской линии. Также не определены или почти не устанавливаются родословные линии таких нартских персонажей как Сатаней-гуаша, Сосуко, Озырмес, Тлепш, Хымыш и некоторые другие. Но там же четко отмечена патрилокальная линия Ашамеза, Шауея, Батраза и ряда других героев предположительно позднего периода стадии продуктивного формирования жанра. Видимо, появление таких ориентиров в родословии порождено нарастанием принципов патриархального уклада в обществе. С его дальнейшим развитием, возникновением и становлением феодально-рыцарских отношений указание отцовской линии и фамильной принадлежности по патрилокальному признаку обретают и в обществе, и в народной поэтической традиции однозначно позитивное оценочное содержание. Но, что характерно, при этом оно не имело выраженных этнических водоразделов: знатность происхождения фактически никогда не соотносилась с этноязыковой идентификацией. Персонаж цикла мог быть выходцем из среды потомственных адыгов или из любого другого этнического сообщества, мог носить сугубо адыгское, иноязычное или же вполне «нейтральное» собственное имя, и это никак не увязывалось с его личностной оценкой. Герои адыгских историко-героических песен аварец Шамиль, чеченец Зелимхан, ингуш Агурби из рода Гетегеж, сын турка, осевшего в адыгской среде Магомет Коджебердук, балкарцы по отцу и

сыновья кабардинской матери брата Жамбот и Якуб Кушха, карачаевцы братья Канамат и Казбулат – все они и подобные им становились равноправно объектами величания в песнях. Их имена, как и имена других героев, имеющие автохтонное или инородное происхождение, не играли решающей роли как в оценке личности, так в интерпретации образа, симпатиях или антипатиях к нему. Фактически, за исключением редких случаев, имя окончательно отделилось от этноидетифицирующих критериев и стало поистине произвольным знаком.

В то же время, надо заметить, что на этапе восприятия песни и сказания имя собственное получает нарицательное наполнение. Имя князя Беслана, коварно погубившего героя, становится одиозным и ассоциируется с вероломством и жестокостью. Имена двух других князей, Биту и Канибулата, независимо от происхождения их имен, становятся символами предательства и ненадежности. Можно заключить, что имя полностью освобождается от первоначальной «запрограммированности» и уже не оно «маркирует» характер героя, а, напротив, поступки, характер того или иного персонажа определяют подлинное содержание имени как знака, эмоциональная окраска которого зависят от самого персонажа, но отнюдь не наоборот.

Эпос, как многие явления фольклора, имеет свои эволюционные стадии – возникновения, наиболее интенсивного становления как жанра, продуктивного функционирования, затухания или трансформации. Но независимо от стадийного положения он функционирует, непременно изменяясь в соответствии с конкретными объективными и субъективными обстоятельствами в соответствии с общефольклорными закономерностями. Поэтому какие-то элементы более позднего происхождения могут проникать в текст самого архаического пласта (как, например, тюркское по форме *Альбек* в полном имени Тотреша, противника нарта Со-сруко в бесспорно архаичном сказании из нартского эпоса), а некоторые атрибуты имен, самых ранних по стадии формирования сохраняются и в младшем эпосе. Данным обстоятельством объяснимо, что отмеченные нами закономерности проявляются не как единственное свойство, а как основная тенденция, определяющая эпический характер явления в целом. Она оказывается той константой, которая при наличии разного рода иных формальных атрибутов образует самый стержень, настолько выраженный, что именно он определяет жанровую принадлежность явления. Без подобной основы тот или иной конкретный феномен фольклора будет невозможно причислить к тому или иному жанру. На этом фоне эволюционные процессы, происходящие в области теонимики и антропонимики оказываются в ряду атрибутирующих факторов.

Список источников

Абаев 1990 – *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: ИР, 1990. 640 с.

Гадагатль 1997 – *Гадагатль А.М.* Память нации. Генезис эпоса «Нарты». Майкоп: Меты, 1997. 400 с.

Гутов 1991 – *Гутов А.М.* Художественный предметный мир адыгского эпоса (к постановке проблемы) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (Традиционные жанры и сказительское мастерство). Черкесск, 1991. С. 28–48.

Лъэщрэ... 1963 – Лъэщрэ Жыг Гуащэмрэ (Тлепш и Жиг-гуаша) // Адыгэ Гуэрыгуатэхэр (Адыгский фольклор). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. С. 72–74.

Мижаяев, Паштова 2012 – *Мижаяев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия адыгской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп: КБИГИ–АГУ–АРИГИ, 2012. 460 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Шортанов 2016 – Шортанов А.Т. Адыгская мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.

References

- АБАЕВ В.И. *Izbrannye trudy. Religiya, fol'klor, literatura* [Selected works. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz: IR, 1990. 640 p. (In Russian)
- GADAGATL' A.M. *Pamyat' nacji. Genesis eposa «Narty»* [Memory of the nation. Genesis of the epic «Narts»]. Maykop: Meots, 1997. 400 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Hudozhestvennyj predmetnyj mir adygskogo eposa (k postanovke problemy)* [The artistic objective world of the adyghe epic (to the formulation of the problem)]. IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii (Tradicionnye zhanry i skazitel'skoe masterstvo)* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia (Traditional genres and storytelling skills)]. Cherkessk, 1991. P. 28–48. (In Russian)
- L'epshchre Zhyg Guashchemre* [Tlepsh and Zhig-guasha]. IN: *Adyge Iueryluatekher* [Adyghe folklore]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. P. 72–74. (In Kabardino-Chircassian)
- MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Enciklopediya adygskoj mifologii* [Encyclopedia of adyghe mythology]. Cherkessk–Nalchik–Maykop: КВИHR–ASU–ARIHR, 2012. 460 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Ch. 1. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian)
- SHORTANOV A.T. *Adygskaya mifologiya i kul'ty* [Adyghe mythology and cults]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2016. 496 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – doctor of philology, professor, chief researcher, adyghe folklore sector;

L.A. Gutova – candidate of philological sciences, senior researcher in the adyghe folklore sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.